

Валерий Купершмидт

НЕ последняя ТОЧКА

Валерий Купершмидт
Не последняя точка
Серия «Библиотека классической
и современной прозы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65111632

*Не последняя точка / Купершмидт В. М.: Общенациональная
ассоциация молодых музыкантов, поэтов и прозаиков; Астрахань;*

2021

ISBN 978-5-907379-53-4

Аннотация

Судьбы людей... Такие разные и непохожие друг на друга и в то же время такие схожие в одном – в стремлении человека быть счастливым, найти свой путь в жизни, жить в гармонии с собой и с окружающим миром. Именно об этом рассказы, представленные в сборнике. Их герои – обычные люди, судьба которых не всегда добра и благосклонна, но каждый из них живёт так, как умеет, показывая иногда не самые лучшие свои стороны... Но это жизнь, и её нельзя переписать начисто.

Тематика стихотворений, собранных в сборнике, широка и разнообразна: это и чувства человека, и дыхание природы, и прелесть человеческого общения, и проблемы общества, и тревоги человека. Наполненные лирикой и яркими образами, они

дают возможность отвлечься от суеты жизни и задуматься о чём-то важном и серьёзном.

Содержание

Проза	5
Глоток добра	5
Не в деньгах счастье	18
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Валерий Купершмидт

Не последняя точка

Проза

Глоток добра

Вторая послевоенная весна заблажила появлением нарядным зелёным покровом свежих сочных трав, которые выползли из таинственных земных нор, из взбухшей от зимней спячки земли и замаскировали рваные раны brutальной кровопролитной войны, спрятав под себя обугленные осколки кирпичей разрушенных домов. Появление добрых солнечных лучей обогрело обрадованные душистые акации, которые нарядились в свадебный белый наряд цветков, распыляя пыльцу – предшественницу новой жизни, – как будто предстояло быть торжественному церемониалу. Давно не наблюдалось такой яркой нарядной весны. По гудению заводских труб, из которых вываливал сивый бурый дым на лазоревое, свежее, весеннее небо, а также по движению звенящих тяжёлым гулом шумных трамваев можно было определить начало наступившей рабочей недели.

Когда завывли гудки заводских труб, мама, молодая жен-

щина 33 лет, по имени Голда – так нарекли родители – невысокого роста, с густыми каштановым волосами, мягким голо- сом, торопливо будила своего сына, ласково приговаривая, что пора одеваться и ехать в интернат. Прервать сладкий сон для пятилетнего ребёнка – это всё равно, что оторвать его от сладкого мороженого. Мороженое – это конденсированное счастье: когда на него смотришь, будто сам таешь. Ничего, что оно холодное, зато сладкое. Чтоб каждый ребёнок ощу- щал себя счастливым. Но время послевоенное зажало в тес- ные тиски несчастливое детство. Счастливое детство – ко- гда ребёнок окружён игрушками, лаской, полноценной забо- той родителей. У этого пятилетнего ребёнка, сладкий сон ко- торого прервали и отправляют в интернат, счастливое дет- ство прервалось после гибели отца, которому, по счастливо- му случаю, удалось увидеть один раз новорождённого сына. Голда одела его в новый американский бархатный костюм- чик, полученный в эвакуации как подарок, чудом сохранив- шийся в пороховом гуле войны наряду с американской ту- шёнкой, и они окунулись в объятия уличного запаха весен- ного утра.

Этот двор был знаком Голде ещё с трёхлетнего возрас- та. Её большая еврейская семья перебралась сюда не по сво- ей воле, а по воле царственного указа Николая II из при- балтийского города Ковна, где её мама Лея имела колбас- ный завод, магазин, гостиницу. По тем меркам семья отно- силась к буржуазному сословию. Им никто не мешал воспи-

тивать восьмерых маленьких детей. Но в их мирную благоустроенную жизнь ворвалась Первая мировая война. Вследствие плохой подготовки в первые годы российские войска терпели неудачу. В окружение попала вся армия Самсонова. Когда преследуют неудачи, нужно находить виновных. Во Франции виновным объявили конкретно капитана Дрейфуса, по ложному доносу. В России виновными оказались абстрактные евреи, которые якобы шпионили и передавали врагу секреты. В соответствии с таким положением Николай II издал указ, согласно которому все евреи должны покинуть прифронтовую зону и переселиться вглубь страны. Так семья раввина оказалась на юге страны, откуда с улицы видны мутные воды Тихого Дона.

В то время Голде исполнилось 3 года. До войны улица родная выглядела горбатой, вымощенной булыжниками, как в Одессе. Эти города многое объединяло, особенно в то смутное время – 53 года – воровской мир. Ростов и Одесса как города- побратимы. Еврейская среда создавала особый колорит, назвав Ростов – папой, а Одессу – мамой. На Ростовской улице проживало много еврейских семей. Мало кто вернулся после войны. Вот за домом до войны стоял двухэтажный особняк, где жила большая еврейская семья. Туда попала случайная заблудшая вражеская бомба. Сейчас о ней напоминают разбросанные красные обугленные кирпичи. Там, на втором этаже, собиралась еврейская студенческая компания, заряженная сионистскими идеями. В тот день они собрались,

чтобы отметить встречу Нового еврейского года или Рош-Шана. Как положено, по традиции приготовили сладкое вино, фрукты, мёд, яблоки и варенную Голдой фаршированную рыбу – деликатес еврейской кухни. Десять молодых сердец из мединститута изучали запрещённый язык – иврит, исполняли песни. В коридоре послышался гулкий тяжёлый стук кованых сапог – видимо, непрошеные гости поднимались на второй этаж.

Раздался громкий стук в дверь. К то-то крикнул: «НКВД!» Голда не растерялась, резко раскрыла раму и шмыгнула в окно. Затем спрыгнула на примкнувшую крышу сарая, пробежав до конца, она оказалась на другой стороне улицы. Домой не явилась, а добралась до подруги. Родителям сообщила, что домой не явится. Просила через старшего брата, который близко дружил с работником НКВД, чтоб оформили другой паспорт. Брату удалось получить для неё паспорт на другое имя и дату рождения.

Она стала именоваться Раей. Рая училась в мединституте, мечтала стать врачом. Но теперь придётся менять профессию. Забрав документы, спасаясь от НКВД, уехала в город Мариуполь, перевелась в металлургический институт. Все арестованные друзья были сосланы в разные регионы страны на различные сроки. Вместо заветной профессии медика получила специальность металлурга. Место работы предоставили быстро. Молоденькую, хорошенькую, приятную девушку радостно встретили в цехе на должности начальника сме-

ны по выплавке алюминия.

Подкрался подозрительный 37 год. Её смена начиналась утром. Ночной сменой руководил её друг. Электрики собирали для печи электросхемы. Один электрик то ли по незнанию, то ли по невниманию собрал схему- треугольник, вместо звёздочки. После подключения печи взорвались. Вредителей нашли быстро, всю смену арестовали. Перепуганная Рая быстро перевелась в Таганрогский комбинат тоже начальником смены.

Её воспоминания прервал резкий лязг тормозов трамвая. Каждую субботу мама забирала Даника домой из интерната. В том интернате находились дети, у которых погиб кто-то из родителей. Трамвай, грохоча колёсами, словно молотом по стальным рельсам, звенящим шумом вырвался из широких проспектов и, вилля вдоль узких неприметных улочек, оказался зажатым между притулившимся приземистыми домиками, которые прятались за чахлыми покосившимися деревянными заборами, почерневшими от времени. Вагон постепенно редел. Рая на минуту призадумалась, предалась воспоминаниям. Сегодня не очень радостная дата: 22 июня – два года, как началась кровавая Отечественная война, изменившая начальную радостную жизнь. Эта дата глубоко врезалась в её ясную память, и вряд ли её можно было забыть. Был летний, тёплый, солнечный выходной день, воскресенье. Каждый планировал провести его по-своему. Они с мужем планировали посетить драмтеатр и посмотреть оперу «Аида».

Заранее приобрела билеты, заказала вечернее выходное платье, но надеть не пришлось. В одиннадцать часов услышала тревожное сообщение о начале войны. Собираясь в эвакуацию, она уложила с собой платье, нарядный вечерний наряд, машинально, сама не понимая, почему так сделала. Это платье очень пригодилось. Находясь в эвакуации в Киргизии, в Кара-Балты, вся семья проживала во временном строении – курятнике, с глиняном полом и маленьким закопчённым окошечком. Зима 42 года выдалась на редкость холодной. Мороз-воевода так околдовал холодом, что вода промерзала, превращаясь в лёд. Годовалый ребёнок заболел воспалением лёгких. Топить было нечем. Там, не лесопилке, Рая за машину дров вынуждена была отдать вечернее нарядное платье. Тем самым она спасла жизнь сына.

Резкий тормоз трамвая прервал её мысли. Доехав до конечной остановки, трамвай затих. Выйдя из трамвая, малыш с мамой направились вдоль разбитой колеи железной дороги, на которой работали пленные немцы, в сторону жёлтого здания интерната. Его, своими раскинувшими разлапистыми деревьями, закрывала роща. Пока Даник не видел интернат, шёл спокойно, а мама тем временем отвлекала различными разговорами, зная, какая реакция у него последует от увиденного ненавистного жёлтого здания.

– Будешь слушаться, – повела разговор мама, – я тебе принесу сдобную, сладкую, твою любимую булочку.

– Она с изюмом, с коричневой корочкой, – уточнил сын.

– И посыпана сахарной пудрой, – добавила-мама.

Даник любил такую булочку из всех возможных кондитерских изделий, может, потому, что другие дети не могли ещё кушать, в силу дефицитной недоступности и дороговизны, но этого он не понимал. Его мама работала технологом на хлебобулочном комбинате и правдами- неправдами доставляла сыну детскую сакраментальную дефицитную радость.

– Если принесёшь такую вкусную сдобную булочку, – обрадовался малыш, – я куплю тебе, когда вырасту, крепдешиновое платье, – пообещал сын.

Дорога пролежала вдоль железнодорожного полотна, где на лежали в хаотическом порядке искорёженные рельсы, а пленные немцы с пилотками на головах, одетые в выгоревшие от солнца, непонятного цвета потные гимнастерки, восстанавливали узловую ветку. Приземистый паровозик «кукушка» торопливо свистел, поставляя шпалы и новые рельсы. Там, вдали, за станцией показался ров и бугорок, покрытый заросшей травой. Это зловещее место, называемое Змея балка, где немцы уничтожили двадцать семь тысяч мирных граждан, женщин и детей. Рая с семьёй тоже могла оказаться там. Но судьба её оберегла. Когда фашисты захватили первый раз Ростов, на следующий день они вывесили объявление на каждом перекрёстке, чтобы к одиннадцати часам дня все евреи собрались на площади К. Маркса, имея с собой все ценности. Вся семья Раи готовилась к выходу, но Красная армия в тот день выбила немцев из города и тем самым

спасла людей от неминуемой гибели.

Солнце пробудилось, косые лучи постепенно выправлялись. Густые деревья рощи редели, и сквозь них показалось ненавистное жёлтое здание. Некогда спокойный, послушный мальчик мгновенно преобразился в свирепого зверька. В пылу гнева он припомнил об обещанной покупке платья и изменил своё решение.

– Не куплю крепдешинное платье, а куплю ситцевое, – всхлипывая, вытирая слёзы, показавшиеся на щёчках, пригрозил обиженный сын.

Вырвавшись из цепких рук матери, он помчался вдоль ухабистого полотна. Мать в отчаянии бросилась за ним. Но каблуки мешали. По дороге проходил очередной отряд немецких пленных. Ходили без конвоя. Высокий стройный немец, увидев убегающего пацана, вышел из строя и побежал наперерез. Взяв его на руки, держа над головой, направился к маме и, отвлекая его разговорами, передал ей. Рая панически боялась немцев. Как в силу пропаганды, так и личного столкновения. Когда немцы в первый раз заняли Ростов, на следующий день во двор заглянули двое вооружённых солдат и направились к дому. Войдя, грохоча сапогами, они потребовали продукты. Это были регулярные части. Старушка, мать Раи, открыла буфет, выложила продукты, которые в нём хранились. Этого довольствия им показалось недостаточно. Один подошёл к пианино, открыл заднюю стенку и стал выкладывать все запасы. Старушка, плача, показала на

беременную дочь, умоляя пожалеть, но он продолжал складывать продукты в чемодан, оттолкнув её грубой силой. Рая, дрожа, бросилась к обезумевшей матери. Её он тоже не пощадил. Этот момент запомнился на всю жизнь.

Страшней всего был эпизод, когда эшелон с эвакуированными людьми был атакован немецкими ястребами. Все бросились врассыпную к роще. Рая, прижимая сына, бежала в страхе не успеть. Самолёт, пикируя, погнался за Раей. Пули пронеслись рядом, и она, падая на землю, закрыла своим телом маленького сына. Самолёт настолько низко пролетел, что она различила и запомнила смеющееся, самодовольное, наглое лицо немца в шлеме. Забыть это лицо невозможно. С тех пор она возненавидела немцев всеми фибрами души. Даже сейчас, видя, как немец с благородной, добродушной и миролюбивой улыбкой держит сына на своих руках, не могла смириться, а он спокойно протянул ей сына, но она, обезумевшая от страха, продолжала дрожать. Дети должны жить в мире сказок, красоты, музыки и игрушек. Несмотря на добродушное расположение и приветливую улыбку недружественного попутчика, Рая по привычке с опаской и недоверчивостью искоса сторонилась. Она заметила висевший на гимнастёрке значок лётчика.

– Какой чудный мальчик, – обратился он к Рае по-немецки. Рая неплохо овладела враждебным языком, изучая его в институте.

– У меня дома такие же красавцы остались. – Он достал

из бокового кармана небольшую фотографию двух очаровательных малышей: мальчика и кудрявой пухленькой девочки. Оба улыбались, глядя с фотографии.

– Я их не видел четыре года, как они, что с ними – я ещё ничего не знаю, как хочется прижать их и погладить.

Немного успокоившись, она доверительно примирилась к нему и сказала:

– Мой мальчик никогда не увидит своего отца. Он погиб на Кавказе.

– Я тоже воевал на Кавказе, – опрометчиво и неосознанно выпалил немец. Но почувствовал неловкость, стыдливо опустив глаза, сняв пилотку, вытер пот со лба, смутившись, умолк.

Замкнутая, стеснительная и нерешительная, она вдруг почувствовала уверенность и решительно спросила:

– Ты лётчик?

Он растерянно замялся.

– Да, я летал, – подтвердил он. – Как ты могла угадать?

– Я хорошо запомнила твою искажённую улыбку, когда ты с присущей злобой гнался за мной.

– Какая неприятная встреча. Я же солдат, выполнял бездумный приказ, не осознавал.

– У тебя самолёт с пулемётом, а у меня ребёнок, которому полгода. Если приказали убить женщину с ребёнком и ты равнодушно готов исполнить, то ты военный преступник.

Этот боевой калёный лётчик сейчас выглядел жалким

мелким пленникам.

– Да, я пленный, искупаю свою вину своим трудом.

Он вытащил из кармана плитку шоколада, присланную от Красного Креста, и благородно подарил Рае в знак уважения и примирения.

Колонна пленных немцев прошла строем и примкнула к тем, кто разгружал с платформы шпалы. Спohватившись, наш добродетель, попросившись, бросился вдогонку.

Эхо войны надолго оставило тягучий тяжёлый отпечаток в сознании людей. Дома Данику была недоступна отцовская ласка. Отец, не вернувшийся с войны, не мог согреть теплом. Недоставало еды... Интернат восполнял эти пробелы. Даник помнил тот момент, когда мама первый раз привела его в интернат. Его ласково встретила пожилая сгорбленная нянечка, отвела в спальню к крайней кровати, над которой висел большой портрет какого-то усатого дяди в военной форме и сказала:

– Это товарищ Сталин тебе подарил ботиночки.

Достав из-под кровати детскую обувь, Даник примерил: ботиночки оказались ему как раз по размеру. «Откуда он узнал мой размер?» – подумал смышлённый малыш.

Всех детей вывели на детскую площадку на прогулку. Площадка, огороженная колючей проволокой, примыкала к железнодорожной насыпи, на которой работали, как муравьи, пленные немцы. В обеденный перерыв раздался звучный звук удара трубы о швеллер. Педантичные немецкие ра-

бочие, оставив работу, укрылись под тень деревьев. Работа работой, а обед – святое дело. Достав пустые фляги, работники подневольного труда протянули их, попросив воды. Дети наперебой бросились доставлять воду просителям. Впереди всех бежал наш маленький герой. Он узнал этого высокого стройного немца. Он хочет воды. Что такое жажда, он слышал от мамы. В августе сорок второго года по пути в Киргизию эвакуированные переправлялись через Каспий на перегруженной барже, в которой кончилась вода. Трое суток под палящим зноем солнцем на барже женщины с малышами молили о воде. Капитан жёстко ответил, что вода предназначена для экипажа. Если он увидит, что кто-то раздаёт воду, – расстрел на месте по закону военного времени. Дети не могли уже плакать, они хныкали, протягивая ручонки, высохшими, потрескавшимися губами, помутневшими глазами с надеждой прося воду. Некоторые женщины, не имея воли смотреть на мучение детей, бросали грудных за борт, в горько- солёные воды Каспия. Вода – это жизнь. Без воды всё живое погибает. Только верблюд может в пустыне две недели обходиться без воды. Больно смотреть, когда кругом за бортом окружает горько- солёная морская каспийская вода, а ты не можешь к ней прикоснуться. Рая решила на отчаянный шаг. Упросила молодого моряка вынести ей кружку воды. Он отказал, ссылаясь на приказ, тогда она сняла с руки золотые часы, подарок мужа на свадьбу, и, не раздумывая, сунула матросу. Под покровом ночи Рая, пряча под платком

золотую воду, спасала сына от жуткой жажды. Вот цена золотой воды...

Даник бросился подавать флягу с водой, и радость играла на его лице.

Мальчики, играя в войну, знали, как позорно быть немцем, их всегда убивали, а теперь он, проявляя гуманность, спасал от жажды. Может, этот немец хороший, добрый, милосердный, ему надо подарить глоток добра, лишь бы больше не было войны, лишь бы больше не воевали.

Война убивает всё человеческое. Может быть, этот глоток добра убьёт те вредоносные злобные воинственные бактерии, которые гнездятся в пробирке войны.

Не в деньгах счастье

Исповедь одной женщины

Уставшее солнце, пройдя больше половины пути по небосклону, довольное своей работой, филигранно, спокойно клонилось к закату, но было ещё жарко. В городском летнем саду южного города под склонившимися разлапистыми деревьями, в тени, на скамейке сидела представительница слабого пола – подтянутая, с деловым видом, довольно моложавая женщина, не совсем ещё склонная к старости. Её привлекательный вид как бы манил к себе, как картина знаменитой Джоконды в Лувре. И очаровывал не только женщин, но и любопытных мужчин.

Подтянутое, с большими чёрными глазами, её ухоженное лицо с аккуратно уложенной причёской выдавало её былую красоту. Около неё крутился ребёнок, мальчик, на вид лет пяти, аккуратно одетый в детский костюмчик. Милое детское личико говорило о том, что он находится под пристальным вниманием. Он подбегал к ней, а она заботливо поправляла шапочку, вытирала лобик, предлагая воду и булочку. Чувствовалась забота о любимом внуке. Так оно и оказалось.

– Какой чудный мальчик, – похвалил я, – видно, внучок?

– Да, души в нем не чаю. Не предполагала, что так проч-

но заполнит мое опустевшее пространство, в котором будет витать моё счастье. Раньше представлением о счастье считались, деньги, богатство, роскошь. Теперь приобрела другой смысл жизни.

Эта приятная, общительная женщина поведала мне свою удивительную, поучительную историю, которая достойна написания романа. Звали её Фаина Исааковна. Ощущался в ней волевой, целеустремлённый характер. Я представил по её нынешнему неувядающему виду красивую, молодую, пышущую, флиртующую женщину с характером, который манит к себе, как привлекательный огонёк каких-нибудь незадачливых пташек. Она пленник судьбы, плавающий в счастливом море роскоши и денег. Её выразительные глаза, коралловый ротик, стройная не по возрасту фигуру, филигранно висевшая бижутерия – она могла бы стать прекрасным образом натурщицы для тех художников, которые ищут женских персонажей для своих художественных шедевров. О таких женщин ходит поговорка «Лицо ангела, душа богини». С её внешнего облика мало откололось частиц от бывшей непреоборимой красоты, хотелось раздвинуть её внутренние душевные створки и с маниакальным желанием заглянуть в её внутренний мир, где притаилась её таинственная душа, которая могла соответствовать званию богини.

– Первоначальная моя цель – это богатство и деньги, они стояли во главе угла. После разочарования в жизни, связанного с потерей всех денег и богатства, моя цель – это внук. –

Она приоткрыла тайну своей неразвёрнутой души.

— Когда вы начали свой путь к счастью — богатству, в мир денег, — полюбопытствовал я.

— Первые шаги в жизни я начала пробовать в пятилетнем возрасте. За послушание требовала денег. Если мои требования не исполнялись, в ход шли капризы, выдаваемые звуковыми яростными сигналами. Весь мой домашний труд оценивался в денежном исчислении, и я добивалась своего.

Я не стала признавать никаких игрушек, только пять копеек стали стимулом моего детского благополучия. Я требовала от родителей, от сестёр до тех пор, пока не получу заветного желания. А затем всю свою жизнь это радостное, возбуждённое благосостояние я получала от своих мужей. Но всё это виртуальное счастье: испытать физическое наслаждение, этот медовый вкус, как от тех пяти копеек, которые согревали в детстве, я так и не смогла, подобно фразе из детской сказки — «по усам текло, а в рот не попало».

— А что вам мешало, почему деньги не приносили желаемой радости? — допытывался я.

Её размышления заинтриговали меня.

— Радость доставляет внук, это маленькое тёплое чародейное существо с барбиобразным личиком. Он доставляет мне радость своей детской непосредственной чистотой и преданностью — тем, в чём сейчас нуждаюсь, — исповедовалась она, выкладывая из своей души груз, что накопился в её сердце.

По имени нетрудно догадаться, что родилась она в мно-

годетной обеспеченной еврейской семье, последним ребёнком. Да, родилась на изломе двух разных противоречивых эпох, когда одна система изжила себя, а другая ещё не пробудилась. Это был зародыш новой революционной жизни. Её семья не испытывала финансовых, продуктовых кризисов, ибо помощь получали от разных родственников, живущих за границей. Получаемые валюты отоваривали в спецмагазинах. Экономический кризис, затем инфляция, голод, период гражданской войны, продразвёрстка – всё это прошло для неё гладко. Пухленькая, розовенькая, с не по-детски большими глазами, она очаровывала свою семью. Все принадлежало ей. Требовательным громким голосом подчиняла себе всех. Её заваливали игрушками, но они её не привлекали. Она беспощадно с ними расправлялась, оставляя без частей тела, продолжая неистово требовать денег. Стоило дать пять копеек, она в ту же секунду умолкала, высвечивая счастливую сияющую улыбку, как будто монета согревала её душу, испытывая сладость, как пчелиный мёд.

– Бушующий вихрь молодости я прочувствовала в шестнадцать лет, когда первый раз вышла замуж за очень состоятельного мужчину. Ну что, что старше на тридцать четыре года, зато богат. Сказать, что любила первого мужа, значит кривить душой. Да и как могла, если он был старше на тридцать четыре года, зато богат настолько, что казны не считал. Это был сложившийся состоятельный мужчина, с определёнными принципиальными взглядами. А я – молодая девушка

с экзотической красотой, которая мечтала войти во взрослую жизнь, а вошла в просторную роскошную квартиру старинного купеческого особняка. Я кружилась каруселью счастья, в объятиях блеска, окружающего комфорта. Мой мечтательный сказочный принц был изобретателем, одел меня как куклу, я ходила в шубе с норковым воротником. Я первая, у кого появилась шуба с глубоким воротником и шляпа с вуалью. Гордилась своей квартирой с просторной большой верандой, которая находилась в центре города. Я горделиво отличалась от окружающих. Из облака туманных мечтаний мысленно ткала денежное богатство. В детстве я видела своё достоинство.

В это время цвела весна, а вместе с ней в вихре бушевали белые цветочные наряды акации. Их было столько, что они обволакивали всё воображаемое пространство. Земля покрывалась белыми цветками, как белыми снежинками. Мне хотелось, чтобы столько денег осыпало меня. Деньги – это праздник, который всегда с тобой. В этом был мой цветущий, пышный, искромётный характер, который привлекал мужчин, как пташек на огонь. Не скрою: бывали любовники, без них – это всё равно, что тёмное небо без ярких звёзд. Без них не обходишься. Это как радуга после дождя. Но эту радужную жизнь затмила война. Мужа мобилизовали (он был инженером- конструктором), а я эвакуировалась в Среднюю Азию. Все ценные вещи, пианино распределила у надежных друзей и у соседей за вознаграждение. Да, в эвакуации при-

шло не сладко, испытывала нужду, но терпела, благодаря стойкости и выдержке своего неукротимого характера. По возвращении после эвакуации все вещи сохранила, за исключением мужа, который не вернулся. Да – сохраняя вещи, не сохранила мужа. Это сделать не в силах, потому надо начинать новую жизнь. Одинокой оставаться не хотелось, ибо даже в раю никто не желает быть одним. Начала поиски нового мужа. Долго искать не пришлось. Кто ищет, тот находит. Несмотря на то, что после войны мужской род заметно поредел, мне удалось найти директора магазина резиновой обуви – ничего, что старше на 14 лет. Зато я не испытывала того, что многие испытывали в послевоенной разрухе: безденежность, карточную систему. У меня открылось второе дыхание, когда муж приносил каждый день живые деньги, которые грели, радовали, как ребёнка сладости. Деньги – это всё, праздник всегда с тобой. На них можно всё купить – даже то, чего не было в магазинах, зато было на толчке. Туда привозили победители побеждённой Германии. Увидеть можно было хрустальную, фарфоровую посуду времен Людовиков. В том пчелином рое можно было встретить жалких мухоморов, одетых в солдатские гимнастерки, и инвалидов – с орденami, на костылях, кто без рук, кто без ног. Как несправедливо устроен мир. Можно купить золотые украшения, одежду, кольца – всё то, что невозможно купить в разорённой и нищей стране. Я чувствовала, что многие мне завидовали, но лучше быть предметом зависти, чем сострадания, а люди

готовы завидовать даже красивым похоронам.

Счастье вскружило мне голову, как любовь девушки, которая меняет свой наряд, как весна. Если испытываешь радость, приходится испытывать горечь. Как яркий цветок манит пчел, так я привлекла внимание двух элегантных молодых мужчин, одетых в шляпах.

— О, мадам, мы знаем, что вы ищете, что вам надо, — раздался баритонный голос симпатичного молодого мужчины с узкими усиками. — То, что вы хотите, имеется у нас. Вот, посмотрите: редкое по красоте, изящное золотое кольцо с четырьмя бриллиантами чистой воды, привезённое из Германии. Таких колец единицы в мире, и вы должны стать его обладательницей, именно такая женственная женщина, как вы, достойна им владеть. Обладателями такой роскоши доводилось быть только французским королям рода Людовиков. Мне его оценивали в полмиллиона, но вам продам за сто тысяч. Мне жаль, если оно не будет украшать ваши прелестные пальчики. Если у вас есть малейшие сомнения, обратимся к знающим ювелирам. Вот здесь, недалеко.

Когда он достал коробочку и раскрыл, как бы невзначай повернувшись к солнцу, оно засияло всеми цветами радуги. Это возбудило мою душу, а сердце невольно забилося, словно птица, пойманная в клетку. Я возбудилась, моя кровь хлынула к голове, затмила весь разум. Я не подчинялась разуму, так страстно захотелось стать обладательницей небывалой красоты, казалось, единственной в городе. Хотелось

стать хотя бы тенью жены королей Людовиков. Как легко женщину сманить ювелирной роскошью. Я сдалась и потянулась, словно лягушка за удавом. Я слышала пульс ударов сердечного биения. Я порхала от невообразимого счастья, словно счастливая птица удачи. Никого не замечала и не заходила. Шла, не ведая дорог. Я была во власти казавшегося счастья, меня обволакивал плен неопишущего восторга.

Мы пошли по старым вертявым переулкам, огибая старинные дворики, подымались по железной лестнице, пока не оказались около притулившейся комнатки, где сидел пожилой ювелир с толстым окуляром в окружении каких-то колбочек.

– Да, мадам, – разглядывая протянутое кольцо, протянул многозначительно он. – Я слышал о существовании такого шедевра. Это кольцо с редкими бриллиантами, его владельцами были французские короли семейства Людовиков. Если не возьмёте, я с удовольствием его выкуплю.

Он меня разогрел до каления, и я утонула в омуте радости призрачного искушения. Я преждевременно предупредила, что в моём доме в наличии только семьдесят тысяч, но разницу я могла бы возместить приличными вещами.

– Что вы, мадам, мы вам полностью доверяем, – всё успокаивали мои доброжелатели.

Дома я вытащила из пианино семьдесят тысяч, как обещала, затем из шифоньера два мужских костюма из бостона, туфли мужа, золотую цепочку, свои часы. За всё это они

остались довольными, по-джентельменски поблагодарили и поторопились удалиться.

Сияя от привалившего счастья, как ясное солнышко, предчувствовала зависть подружек. Налюбовавшись новой всемирной вещью, я почувствовала, что моя восходящая радость немного остыла. Ко мне стал возвращаться утратившийся разум. Добровольно сознаваться в своих грехах могут только святые. Я честно признаюсь, что не отношусь к той категории. Стыдно было сознаваться мужу за проделанную комбинацию, я решила пойти на женскую хитрость. Хитрость – не подлость, а признак ума. Представить кражу. По случаю прихода мужа закатила грандиозную истерику о небывалой краже. Хитрый дерётся, пока мудрый уступает. Мудрый муж вызвал следователей. Опытные сыщики, обследовав нетронутые замки, пришли к выводу, что это дело рук домашнего вора. Сгорая от стыда, пришлось во всём признаться, обливаясь слезами. Как говорится в танaxe: «Рыдай кипарис, ибо упал кедр». Муж приговаривал: «Не ставь мышеловку, если сам годишься на приманку». Ещё больше разочарования доставила повторная проверка ювелиров, доказавшая, что кольцо с четырьмя бриллиантами – обыкновенное простое стёклышко. Как говорят греки, «поздоровавшись с греком, не забудь пересчитать пальцы». Я не буду описывать сорвавшуюся небывалую истерику, от которой отходила не сразу. Я испытала нервный срыв. Было за что. Количество добра в природе равняется количеству зла, а день-

ги – это зло. Мне сделано огромное зло, от которого я долго отходила. Но благодаря заботе мужа и моей воле справилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.